

«Слово» и «дело»: к истории научных отношений А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского

Б.С. Братусь Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 12 апреля 2013 / Принята к публикации: 18 апреля 2013

“Word” and “Deed”: the history of scientific relations of A.N. Leontiev and L.S. Vygotsky

B.S. Bratus Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: 12 april 2013 / Accepted for publication: 18 april 2013

Статья всесторонне проанализирована специфика научных взаимоотношений двух ведущих отечественных психологов — А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского. Показывается, как первоначальные отношения учитель (Выготский) — внимательный ученик и последователь (Леонтьев) сменились размежеванием, поиском и отстаиванием своих собственных путей.

Автор демонстрирует динамику психологических идей этих двух ученых. Освещает разные подходы к проблеме деятельности и личности, которые развили их в определенный период времени.

Значительное внимание уделяется научному творчеству Леонтьева, которое пришлось на социалистические времена, сопровождающиеся идеологическим давлением. Показано, как, несмотря на этот неблагоприятный фактор, Алексею Николаевичу — основателю теории деятельности, где нравственным началам нет места, где личность становится ее «продуктом», удалось придти к необходимости специального изучения личности, ее нравственно-ценностной сферы. Приводя ссылки на конкретные работы Леонтьева, автор показывает эволюцию идей «лидера марксистской психологии», внутренний контекст его научных поисков, который привел к тому, что он фактически снял вопрос о принципиальном расхождении с Выготским по проблеме переживаний и деятельности.

Автор предполагает, что в последние годы жизни А.Н. Леонтьев по своим взглядам приблизился к «позднему» Выготскому, встав на сторону своего Учителя, старшего друга и, одновременно, что нередко в научной жизни — главного внутреннего оппонента. Это подтверждает тот факт, что за два года до смерти (в 1977 году) Леонтьев фактически снял вопрос о принципиальном расхождении с Выготским по проблеме переживаний и деятельности.

Ключевые слова: Л.С. Выготский. А.Н. Леонтьев, теория деятельности, культурно-историческая школа психологии, история отечественной психологии, психология личности.

The article comprehensively analyzes the specifics of scientific relations between the two leading Russian psychologists A.N. Leontiev and L.S. Vygotsky. It is shown how initial relationship between the teacher (L. Vygotsky) and an attentive disciple (A. Leontiev) was replaced disengagement, search and defense of their own views. The author demonstrates the dynamics of psychological ideas of these two scientists. He highlights different approaches to the problem of activity and identity, which made them part in a certain period of time. Considerable attention is paid to the scientific work of A. Leontiev, who lived and created in the socialist times of ideological pressure. It is shown how in spite of this adverse factor Alexei Leontiev, the founder of the activity theory, where moral principles are out of place where a person becomes its “product”, managed to come to the need for a special study of personality, his/her moral value sphere. Referring to specific works of A. Leontiev, the author shows the evolution of A. Leontiev ideas as “leader of the Marxist psychology” in the internal context of his scientific research, which has led to the fact that he erased the fundamental differences with L. Vygotsky on the problem of experiences and activities.

The author suggests that in his last years A.N. Leontiev’s views were close to the “late” L. Vygotsky’s viewpoint, taking the side of his Master, an older friend, and at the same time, as it is a usual thing in the academic life, the main opponent. This proves the fact that two years before his death in 1977, A.N. Leontiev actually agreed with Vygotsky on the problem of experiences and activities.

Keywords: L.S. Vygotsky. A.N. Leontiev, activity theory and cultural historical school of psychology, history of Russian psychology, personality psychology.

Общеизвестно, что у истоков отечественной культурно-исторической школы стоял Л.С. Выготский, а если крючкотворствовать, то – А.Р. Лурия, ибо именно он сразу заметил, срезонировал, восхитился Выготским и сумел организовать приглашение неизвестному тогда гомельчанину в Москву в Институт психологии. Но иницирующий импульс, создавший силовое поле школы, был дан, придан именно личностью и гением Льва Семеновича Выготского.

И, если Лурия, несмотря на молодость, представлял собой тогда научную единицу (был ученым секретарем института), то А.Н. Леонтьев был совсем новичком, что он позже мудро рассматривал не как отягощающий, а – напротив – как положительный фактор. В беседе с сыном он говорил на склоне своих лет: «Определенные пути (самоопределение) связано со встречей с Л.С. Выготским. У меня было заполнение вакуума, у А.Р. Лурия – вытеснение похлебки. Разница между мной и Александром Романовичем в отношении к Л.С. Выготскому: мне повезло, что у меня был вакуум. А.Р. Лурия осваивал Л.С. Выготского в духе эклектики, у меня был пуризм» (Леонтьев А.А., 2003, С. 37).

Леонтьев называет и время этой встречи – конец 1924-го или начало 1925-го года. Легко вычислить, что Леонтьеву тогда – 21-22 года, а Выготскому – 28-29. Один – юноша, другой – немногим старше. Одному предстоит долгая жизнь, развернутая научная деятельность, в которой будут, конечно, тяготы, кризисы, неудачи, но которую увенчают многие годы заслуженного официального и неофициального признания, очевидного лидерства, безусловного авторитета, присуждение орденов, высшей государственной премии по науке, избрание в академики и пр. Другому – отпущено судьбой одно десятилетие научной работы, огульная критика

под конец, почти на четверть века запрет имени, изъятие трудов сразу после смерти ... Но, тогда они оба были молоды и, несмотря на малую разницу лет, Л.С. Выготский – учитель, А.Н. Леонтьев – внимательный ученик и последователь.

Как говорил сам А.Н. Леонтьев в той же беседе: «Л.С. Выготский дал установку: исследовать средства запоминания, средства внимания, квазислова, как средство опосредствования при общении» (Леонтьев А.А., 2003, С. 38). К 1928 году, спустя всего 3-4 года после первой встречи (каковы темпы!) А.Н. Леонтьев заканчивает свою, ставшую впоследствии классической, книгу «Развитие памяти» – вершину и, одновременно, главный итог ученичества и тесного сотрудничества с Л.С. Выготским.

Далее постепенно начинается типичное для истории науки, но каждый раз драматическое для реальной жизни начало некоторого размежевания, поиска, апробирования и, наконец, отстаивания своих путей.

Основным поводом к осознанию накопившегося стал отъезд Леонтьева для научно-исследовательской и преподавательской работы в Харьков. В своей автобиографии он писал: «В конце 1930 г. получил приглашение принять участие в развертывании психологического сектора Украинской психоневрологической академии. С 1931 года я стал систематически работать в Харькове, заведя отделом общей и генетической психологии Академии и профессором, заведующим кафедрой психологии Медико-психологического института...» (Леонтьев А.А., 2005, С. 341).

Повторяю, это был повод, потому что сугубо формально отъезд Леонтьева не прекращал связи внутри «тройки»: Выготский и Лурия были также приглашены в Харьков, неоднократно приезжали туда для лекций, работы, подведения

итогов исследования. Но, в прежних внутренних отношениях настали явные перемены.

Обратимся к непосредственным свидетельствам самого А.Н. Леонтьева: «1931-1932 гг.: рождается харьковская школа.

Внутренняя расстановка в школе Выготского была драматична. Конфронтация двух линий на будущее.

Моя линия: возвращение к исходным тезисам и разработка их в новом направлении. Исследование практического интеллекта (= предметного действия). Известное место в Фаусте Гете: дело не в этом. Общение – демиург сознания? Общение – демиург значения? Какая подпочва? Если не все дело в «деле»?

Линия Выготского: аффективные традиции, эмоции, чувства. Это – за сознанием. Жизнь аффектов: отсюда поворот к Спинозе.

Я: практика.

Л.С. Выготский: свобода поиска подходов. Но не более! Огорчение (по моему поводу)...

Апогей расхождений – 1932 г. (после доклада), начало 1933.

Позиция Выготского – в «мышлении и речи», глава «Мысль и слово», особенно предисловие: «За интеллектом искать аффект» (последнее, что он написал).

У Выготского осталось все, у меня – все сначала.

В Харькове возникали свои трудности, но была безоговорочная поддержка сотрудников». (Леонтьев А.А., 2003, С. 40)(5).

Очень четко расхождение обозначено и в рукописных «Материалах о сознании» 1940-1941 гг.: «Психологическая концепция, развивавшаяся Л.С. была оригинальной, новой, но это новое оставалось внутри старого (Леонтьев А.Н., 1994, С. 40).

Что же имелось здесь в виду под «старым»?

Чуть ниже в тех же материалах о сознании Леонтьев напишет: «В начале было дело (затем стало слово и в этом все дело!)» (там же, С. 40). Как студент, позже сотрудник кафедры Алексея Николаевича, я не раз слышал сходные пассажи от него самого, и звучало это, как и вообще многие речи А.Н., очень выразительно. «В начале было дело», – доверительно глядя в глаза, серьезно сообщал А.Н. знаменитую фразу из гетевского

Борис Сергеевич Братусь – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Области научных исследований: клиническая психология, общая и прикладная психология личности, философские основы психологии. Автор более 180 печатных работ, в том числе 12 монографий. E-mail: kop-msu@mail.ru

«Фауста». Затем, выдержав паузу, необходимую, чтобы собеседник оценил всю значимость услышанного, несколько веселее и тоном выше: «Но дело было и потом». И, наконец, еще немного помолчав, с лукавой улыбкой, как важный вывод: «И в этом-то все и дело!!».

Здесь мы подошли к той самой «основной проблеме», разные подходы к которой развели в рассматриваемый нами период двух ученых. На эту проблему не раз указывает в приведенных цитатах сам Леонтьев, она в вопросе (поистине фундаментальном), что в начале – «дело» («затем слово, и в этом все дело») или «слово» (лежащие за ним общение, аффект, знак). Первая линия – Выготского (раннего) и Леонтьева, вторая – Выготского (позднего).

В конце тридцатых Леонтьев так видит основную ошибку Выготского: она «состояла в том, что 1) предмет не был понят как... предмет деятельности человека; 2) обыкновенная практическая деятельность продолжала казаться чем-то, что только внешним образом зависит от сознания» (Леонтьев А.Н., 1994, С. 40). Тем самым, не «дело» и деятельность были демиургами, а сознание и стоящее за ним «слово». Недаром, определяя «старое», внутри которого «новое» Выготского, Леонтьев назвал его «словоцентризмом системы» (там же, С. 23).

Теперь, после первоисточников, приведем два комментария: один принадлежал биографу А.Н. Леонтьева, его сыну – профессору Алексею Алексеевичу Леонтьеву, другой – представителю иной, полемизирующей с леонтьевской парадигмы, верному ученику и последователю С.Л. Рубинштейна – профессору Андрею Владимировичу Брушлинскому.

А.А. Леонтьев констатирует: А.Н. Леонтьев и сотрудники его харьковской группы считали, что Выготский делает шаг назад, акцентируя внимание на проблеме единства аффекта и интеллекта, сосредотачиваясь исключительно на значении, как единице сознания (Леонтьев А.А., 2001). Сходную оценку дает и А.В. Брушлинский, который не был сторонником ни Выготского, ни Леонтьева (поэтому равно объективно отстраненно и критически к ним относился): «В теории Выготского средства оторваны от того, средством чего они являются. ... В этой теории средство (слово – знак) превра-

щается в демиурга мышления и вообще психики у детей. Если субъектно-деятельностная концепция исходит из того, что вначале было дело, то для теории Выготского вначале было слово (хотя он иногда будто бы не соглашается с этим положением из Библии). Гипертрофия (абсолютизация) средств и, прежде всего, словесных знаков, как главных и даже единственных оснований психического развития человека, уводит в сторону от теории (изначально практической) деятельности...» (Брушлинский А.В., 1998, С. 123).

Разумеется, для позднего Выготского, учитывая все его оговорки, «словоцентризм» отнюдь не отрицает леонтьевско-рубинштейновское «вначале было дело» (в этом плане эти две несколько различающиеся теории деятельности – леонтьевская и рубинштейновская – едины). Однако именно «словоцентрический» посыл Выготского открывает путь к рассмотрению (оправданию) наддеятельностных смысловых пространств, что единственно, на наш взгляд, дает возможность понимания личности как совершенно особого уровня опосредствования. Напомним, что опосредствование есть предельно широкое и фундаментальное явление, которое «характеризует абсолютно все без исключения уровни и сферы бытия, т.е. оно является универсальной, всеобщей категорией, распространяющейся на вселенную в целом и на все ее подсистемы» (там же, С. 124). Как замечает далее Брушлинский, любая деятельность – есть также и опосредствование, но не наоборот: далеко не всякое опосредствование есть деятельность (там же, С. 124). Личность в этом плане

Можно только гадать (мечтать), что было бы, если бы Выготский прожил еще хоть года три без давления партийной власти и что успел бы сделать (при его-то темпах) в этом направлении. Можно не сомневаться – появилась бы блестящая смысловая концепция личности. В отличие от главенствовавших «поведенческих» и «глубинных», она была бы «вершинной» или «акмеистической» (термины самого Выготского) и ее бы с благодарностью изучал и использовал бы по сию пору весь психологический мир...

– наддеятельностное опосредствование, хотя и может реализоваться в тех или иных конкретных деятельностно-опосредствованных формах. Поэтому деятельность разомкнута в смысловое пространство, а не замыкает его в себе.

Перспективы разработки такого понимания в те годы в советской России

были равны нулю (или, даже, минусовым отметкам): наддеятельностное понимание личности, ее свобода и автономность – скажем аккуратнее – сама принципиальная возможность свободы и автономности от деятельностной бытийной обусловленности звучали бы как расстрельная крамола. Можно только гадать (мечтать), что было бы, если бы Выготский прожил еще хоть года три без давления партийной власти и что успел бы сделать (при его-то темпах) в этом направлении. Можно не сомневаться – появилась бы блестящая смысловая концепция личности. В отличие от главенствовавших «поведенческих» и «глубинных», она была бы «вершинной» или «акмеистической» (термины самого Выготского) и ее бы с благодарностью изучал и использовал бы по сию пору весь психологический мир...

Но история сослагательных наклонений не терпит. Смысловый подход, «динамические смысловые системы» станут реально востребованы в отечестве лишь лет сорок спустя. И это случится, благодаря, прежде всего, Леонтьеву, т.е. тому, кто в разбираемый период начала тридцатых годов XX века был главным идейным оппонентом нового и, как мы знаем теперь, последнего хода мыслей Выготского.

***

В 60-70 годах приоритетным стало изучение с позиции теории деятельности ощущения, восприятия, внимания, памяти, мышления. На небольшом, недавно образованном факультете психологии МГУ, только по тематике вос-

приятия работало тогда сразу несколько хорошо оборудованных (главным образом, за счет выполнения заказов Министерства обороны), часто остро полемизирующих друг с другом лабораторий (например, под руководством В.П. Зинченко, Ю.Б. Гиппенрейтер, самого А.Н. Леонтьева и др.).

Успехи этого направления были несомненны, составляя, по сути, главное содержание научных исследований факультета. Но была и другая, менее броская линия интересов Леонтьева – только нарождающаяся тогда в стране психология личности. И хотя мы – в те годы начинающие «личностники» А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Е.Т. Соколова, В.В. Столин, Е.В. Субботский, В.Ф. Петренко, Л.П. Петровская, А.У. Хараш и др. были в явном меньшинстве и, как нам иногда казалось, «в загоне» (так что нередко ворчали на засилье тех, кто

группы на разных этапах участвовали: Н.Н. Авдеева, Е.З. Басина, Л.В. Бороздина, О.М. Дерябина, Е.Е. Насиновская, Л.А. Петровская, В.А. Петровский, А.А. Пузырей, В.Э. Реньге, Е.Т. Соколова, А.С. Спиваковская, Е.В. Субботский, К.Г. Сурнов, А.У. Хараш, Е.И. Шлягина и др.

В 1975 году выходит последняя, очень значимая монография А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность».

В триаде, вынесенной в название книги, понятие деятельности – центральное, стержневое, пронизывающее. Самостоятельных разделов «Сознание»

теснял) в дальний угол, заваленный для маскировки идеологической мишурой, чтобы при первой возможности вернуться к сокровенному.

Впрочем, и в этой публикации развернутых прямых рассуждений о «свободе» (да еще с восклицательным знаком) и «этических проблемах» нет. Подцензурные годы не прошли даром, да они и не закончились тогда, хоть и перестали быть столь жесткими. Однако, если очень внимательно смотреть на текст, вернее сквозь текст, можно увидеть «на просвет написанного» нечто намекающее на эти реалии². Так, в конце главы «Деятельность и личность» повторяется высказываемая также в других источниках леонтьевского круга мысль о том, что в рамках теории деятельности, определяющими для понимания личности являются вопросы о структурированности, иерархизированности мотивов и о вариантах схождения их к одной или нескольким точкам притяжения. Они обуславливают направленность личности, подчиненность ее главному или главным жизненным мотивам (А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, М.С. Неймарк и др.).

Но, наряду с этим, появляется новое важное добавление: «Смысловые единицы жизни могут собираться как бы в одну точку, но это формальная характеристика. Главным остается вопрос о том, какое место занимает эта точка в многомерном пространстве, составляющем реальную, хотя не всегда видимую индивидом, подлинную действительность» (Леонтьев А.Н., 1977, С. 220). Суть этого добавления, обозначенного как главное, остается не раскрытой и объяснить ее, например, студентам (знаю по опыту преподавания) очень трудно. В самом деле, трудно растолковать, что же это такое – «реальная, хотя не всегда видимая индивидом, подлинная действительность»?

Приводимая Леонтьевым далее литературная иллюстрация, казалось бы, должна прояснить дело: «Вся жизнь скупого рыцаря направлена на одну цель:

Как можно было тогда открыто и прямо сказать, что главная суть личности не в ее социальных успехах, не в размахе деятельностных деяний, громадье планов и свершений на благо коммунистического завтра, а в совсем других плоскостях? И как же тогда быть с постулированной первичностью экономического базиса, бытием, всегда определяющим сознание, и прочими несдвигаемыми глыбами идеологии?

изучал перцептивные процессы, шутили, что факультет психологии надо переименовать в факультет восприятия), однако общая ситуация на факультете стала медленно поворачиваться в сторону изучения мотивации, эмоций, личности. А.Н. Леонтьев, безусловно, стоял у истоков этого изменения. Более того – с середины 60-х годов он стал все чаще оценивать свою работу в области мотивации и личности как самую главную².

Атмосфера факультета способствовала созданию в 70-х годах неформальной (как тогда говорили – на общественных началах) Межкафедральной группы по изучению психологии личности (другое ее название – по изучению смысловых образований личности). Идея такой группы, ход и первые итоги ее работы не раз обговаривались с А.Н. Леонтьевым. Я, как руководитель группы, А.Г. Асмолов, как мой заместитель, встречались и советовались по поводу проблематики и задач группы, также с А.В. Запорожцем, Б.В. Зейгарник, П.Я. Гальпериним, Л.С. Цветковой и другими. В работе

и «Личность» там нет: соответствующие главы называются «Деятельность и сознание», «Деятельность и личность». Однако последний раздел привлекал все же особое внимание, поскольку развернутые исследования в области психологии личности либо не проводились вовсе, либо были скованы жесткими идеологическими рамками.

Обратиться к изучению личности Леонтьев намеревался еще в молодые годы. В письме к Выготскому накануне своего отъезда в Харьков, он писал: «Главное: личность как субъект психологического развития, то есть проблема активного психологического развития, вот тут пробл[ема] психологической культуры личности (свободы!) и отсюда ближайшие этические проблемы» (Леонтьев А.Н., 2003, С. 234). В известном смысле, он возвращался к этому «главному», спустя десятилетия, в которых это было запрещенным и опасным делом. Можно предположить, что он вспомнил о том, о чем и не забывал, но прятал от своих и чужих глаз (фрейдист бы сказал – вы-

² В конце жизни А.Н. Леонтьев намеревался написать автобиографию и составил к ней план-конспект, в котором отразил то, что считал для себя наиболее важным в тот или иной период жизни. Напротив 1960 г. написано – «Личность (Я и общество: инфраструктура и суперструктура)» [Леонтьев А.А., 2005, С. 137]. В исследовании В.Ф. Петренко, где представлены результаты психосемантического анализа работ Леонтьевской школы, показано нарастание, начиная с 70-х годов, тенденции к изучению психологии личности. [Петренко В.Ф. Школа А.Н., 1999]. Эволюция в этом направлении может быть прослежена и в научных судьбах действующих лиц. Многие из лидеров исследования восприимчивы, ярко показавшие себя в 60-70 годы, давно и добровольно покинули это поле научной битвы. Например, две ведущие фигуры в области изучения восприятия, два тогдашних заведующих лабораториями психологического факультета МГУ – это Ю.Б. Гиттенрейтер и В.П. Зинченко. Первая увлеклась гуманистически ориентированной психотерапией, второй – философией психологии.

³ Издательский редактор этого знаменитого труда С.Л. Воробьев рассказывал автору о сложности работы именно над этой частью книги, тогда как остальные были, на его взгляд, более ясно и четко изложены. Дело дошло до того, что однажды, когда вопросы редактора стали особенно вездливыми и требовательными, А.Н. воскликнул: «Поймите, я сам знаю, что этого недостаточно, но это сейчас все, что я могу сказать о личности». И добавил в сердцах: «Не подходит – не печатайте вовсе».

возведение «державы» золота». Эта цель достигнута («кто знает, сколько горьких воздержаний, обузданных страстей, тяжелых дум, дневных забот, ночей бессонных все это стоило?»), но жизнь обрывается ничем, цель оказалась бессмысленной. Словами «Ужасный век, ужасные сердца!» заканчивает Пушкин трагедию о Скупом» (там же, С. 220).

Однако, если перенести героя Пушкина в современный мир, то он окажется банкиром, дающим деньги под проценты и тем самым наращивающим свое богатство. Он не заполняет драгоценностями «верные сундуки», а любит прибавлением нулей на своих банковских счетах, которые по первому же желанию могут обернуться дворцами, яхтами, футбольными клубами, равно как купленными местами в парламенте и сенате и т.п. Но для многих сегодня такой человек – повод для подражания, постановки аналогичных целей, а отнюдь не объект жалости, сожаления, вызывающий желание помочь, например, предложить курс психотерапии.

Конечно, интуитивно мы можем понимать (вернее – чувствовать), что с условным Скупым рыцарем (или Банкиром) не все ладно в личностном плане, но что именно и что должно противопоставляться этому «неладному?»

А.Н. Леонтьев разъясняет: «Иная личность, с иной судьбой складывается, когда ведущий мотив-цель возвышается до истинно человеческого и не обособляет человека, а сливает его жизнь с жизнью людей, их благом» (Леонтьев А.Н., 1977, С. 221). Если мы согласимся с этим, возникают вопросы – что есть «истинно человеческое», что есть «благо», что представляет собой та сфера, от соотнесения с которой зависит соединение или обособление от людей и человечества?

Ни сами эти вопросы, ни, тем более ответы на них, в книге не представлены, хотя это не значит, что Леонтьев не думал о них и не мучился ими. Но вопросы и ответы находились уже в иной, чем психология области, которая не могла быть сведена к одним марксистским формулировкам, рамки которых ученый не позволял себе претупать.

Действительно, как можно было тогда открыто и прямо сказать, что главная суть личности не в ее социальных успехах, не в размахе деятельностных деяний,

громადье планов и свершений на благо коммунистического завтра, а в совсем других плоскостях? И как же тогда быть с постулированной первичностью экономического базиса, бытием, всегда определяющим сознание, и прочими несдвигаемыми глыбами идеологии?

Между тем, если называть вещи своими именами, то речь должна идти о сфере нравственной, о предельных ценностях и смыслах, выходящих за грань конкретных деятельностей. Виктор Франкл называл их «сверхсмыслами». Эти предельные (далее неразложимые) смыслы должны быть поняты не только как вторичные, факультативные, дополняющие деятельность образования. Более того,

Хотя «Деятельность. Сознание. Личность» – последнее крупное произведение Леонтьева, но напряженное движение мысли ученого продолжалось до самого конца его жизни. Поэтому книга не была, как сейчас полагают многие, окончательным итогом творчества Леонтьева. Уже после ее издания он выступил с рядом публичных сообщений, в которых намечались очень важные, принципиальные шаги, ведущие, по сути, к прорыву, размыканию «объятий» деятельности

деятельность тогда выражает (с большей или меньшей полнотой) стоящие за ней, освещающие ее предельные смыслы жизни. Толстой писал: «Люди только делают вид, что торгуют, воюют, строят. Главное, чем они занимаются, что делают всю жизнь – это решают нравственные задачи. Именно это и составляет главное дело человечества».

Значит, именно на это намекал в конце своей жизни основатель теории деятельности, когда писал о «реальной, хотя не всегда видимой индивидом, подлинной действительности» как о главном для понимания и оценки личности?

Если так, то это явно противоречит исходным постулатам теории, где нравственным началам (тем более их превалярированию и априорности) нет места, где смыслы порождаются в деятельности, ее обслуживают и исчезают вместе с исчезанием ее. Личность, пригибая голову, входит под сень деятельности, становясь ее «внутренним моментом», «продуктом». Да и не могло быть иначе, если «в начале было дело» и, как постоянно приговаривал Леонтьев на лекциях: «Дело было и потом, в том-то все и дело».

Особо надо заметить, что хотя «Деятельность. Сознание. Личность» – последнее крупное произведение Леонтьева, но напряженное движение мысли ученого

продолжалось до самого конца его жизни. Поэтому книга не была, как сейчас полагают многие, окончательным итогом творчества Леонтьева. Уже после ее издания он выступил с рядом публичных сообщений, в которых намечались очень важные, принципиальные шаги, ведущие, по сути, к прорыву, размыканию «объятий» деятельности. Об этом можно судить, обратившись к рукописным заметкам под названием «О предмете психологии личности», опубликованным посмертно. Отметим здесь лишь два положения. Первое состояло в том, что личность постулировалась как «системное и потому сверхчувственное качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный

телесный индивид» (Леонтьев А.Н., 1983, С. 385). Второе состоит в следующем. Вплоть до последней книги А.Н. Леонтьева, личность – «момент деятельности» и отсюда – «изучение личности составляет специальную, хотя и не отдельную проблему» (Леонтьев А.Н., 1977, С. 159-160). В последних работах качественно иной подход: «проблема личности образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов» (Леонтьев А.Н., 1983, С. 385).

В качестве очень маловероятной гипотезы могу выдвинуть предположение, что в какой-то (пусть крайне малой) степени в движении этих мыслей сыграла роль тогдашняя научная молодежь, в частности, уже упомянутая Межкафедральная группа. Косвенно это можно подтвердить ссылками на мою аналитическую записку о работе этой группы в некоторых поздних выступлениях А.Н. Леонтьева. Я помню наши тогдашние живые реакции. Субботский, например, был особо доволен тезисом о личности как «сверхчувственном» образовании: «можем спокойно работать, если что не так, то скажем – она сверхчувственная, прямо не измеришь».

Если учесть эти нововведения (а в то время каждое публичное слово Леонтьева

ва было очень значимым), то внутреннее движение Леонтьева (пусть и не явно означаемое внешне) к нравственно-ценностной сфере предстанет еще более рельефно. Конечную точку, вернее, точку, намеченную для восхождения на вершину этого движения, можно увидеть в одной из дневниковых записей ученого 1974 года: «Психология личности есть психология драматическая. Почва и центр этой драмы – борьба личности против своего духовного разрушения.

За два года до смерти (1977) Леонтьев фактически снял вопрос о принципиальном расхождении с Выготским по проблеме переживаний и деятельности, прямо признав: «... Альтернатива 30-31 годов оказалась не альтернативой, а необходимой линией движения психологического исследования. Не или-или, а обязательно и-и!»

Эта борьба никогда не прекращается» (Леонтьев А.Н., 1983а, С. 142). Слово «духовное» появляется тогда отнюдь не как случайное и внешнее по отношению к лидеру марксистской психологии, предположительно, оно отражало (могло отражать) действительный внутренний контекст его поисков.

Чтобы косвенно подтвердить гипотезу о возможности именно такого рода динамики отношений к психологии личности, приведем свидетельство человека не из близкого окружения А.Н. Леонтьева, поэтому достаточно объективного. В.А. Пономаренко, слушавший его лекции, работавший с ним в 70-е годы в экспертном совете ВАК и при создании Института психологии Академии наук, вспоминает: «Легко, убедительно, с языковым изяществом использовал марксистское учение об условиях развития человека в общественной системе социализма. Редко и с осторожностью касался теоретического рассмотрения проблем бессознательного духа, трансцендентных сторон сознания... Однако чувствовалось, что он ждал часа для более откровенных проникновений в главную проблему человека – Веры, Духа, Смысла как данности для выбора своего места и предназначения... Не исключено, что он, наблюдая человека праздного, нередко пустого, мелкого, с дрянненькой душой, вне принципов и позиций вообще, общественного зверька с желтыми белками завистливых глаз, винился перед Богом за свой окольцованный материализм, не подпустивший его к решению им же поставленной задачи: «... осуществ-

вить тенденцию превращения психологии в науку о живом человеке, в науку о самом важном» (Пономаренко В.А., 2003, С. 15).

Писатель В.Ф. Тендряков, сосед А.Н. Леонтьева по даче, оставивший о нем прекрасные воспоминания, писал: «Мы редко говорили о нравственности, самой наболевшей теме в общезитии и самой темной для науки. Но, чего бы мы ни касались, эта тема постоянно ощущалась в умолчаниях и недомол-

вках» (Тендряков В.Ф., 2003, С. 273).

Позволю себе личное воспоминание. В 1975-1976 гг. я написал брошюру для издательства «Знание» и обратился к А.Н. Леонтьеву с просьбой дать рецензию на нее. Дело было после заседания кафедры. Алексей Николаевич выглядел усталым и озабоченным. Он выслушал просьбу, согласился, сказав, чтобы я принес макет («рыбу») рецензии, лишь потом спросил о теме работы. Я ответил: «Психологические аспекты нравственного развития личности». Леонтьев сразу стал сосредоточенным, внимательным (он умел мгновенно переходить от одного состояния к другому), с удивлением (брови на его выразительном лице взлетели вверх) посмотрел на меня и сказал: «Это очень серьезно. Принесите рукопись, я сам напишу рецензию». Удивление, думаю, было вызвано тем, что он не ожидал от меня такого поворота – я пришел в общую психологию из патопсихологии, писал до того об аномалиях личности и психологических проблемах алкоголизма, он в шутку величал меня иногда «главным алкоголиком». Что касается той брошюры, то после рецензии А.Н. Леонтьева она вышла массовым тиражом в серии «Этика» издательства «Знание» (Братусь Б.С., 1977).

После этого эпизода начались редкие, но драгоценные для меня личные встречи с А.Н. Леонтьевым, которые, в частности, способствовали созданию и работе Межкафедральной группы по изучению личности, о которой шла речь выше. Думаю, что одна из причин сближения – это обнаруженная в моих

работах нравственно-ценностная направленность, затрагивавшая внутренний (во многом запряженный) интерес к этой теме и самого Алексея Николаевича. Особо памятна мне последняя встреча – незадолго до его кончины. Он был уже тяжело болен и принял А.Г. Асмолова и меня у себя дома. Сначала сидел за столом, затем, устав, прилег на кушетку. Как всегда, в беседах с ним речь шла не только о науке и рабочих моментах, ради которых он непосредственно вызывал нас, но и о многих – смежных и не совсем смежных предметах. Собеседником Леонтьев был необыкновенным и завораживающим. В этот раз, среди прочего заговорили об общих принципах философии человека. Алексей Николаевич твердо сказал, как о чем-то важном, продуманном для себя, что расхожее утверждение, принадлежащее Ленину (кочевавшее тогда из одного советского учебника в другой), будто Маркс кардинально исправил Гегеля, перевернув его (его теорию) «с головы на ноги», – неверно. «Это была ошибка, на самом деле, – убежденно и даже с горячностью заключил Леонтьев, – Гегель стоял правильно». И, помолчав, добавил: «Много чего вышло от этого «переворота»».

По сути, это могло означать позднее признание Леонтьевым значимости идеальных метафизических оснований как главных, определяющих, составляющих для человека, ту самую трудноуловимую, и одновременно совершенно «реальную, хотя и не всегда видимую индивидом подлинную действительность». В этом плане, «дело» уже не столь категорически преобладало над «словом».

За два года до смерти (1977) Леонтьев фактически снял вопрос о принципиальном расхождении с Выготским по проблеме переживаний и деятельности, прямо признав: «... Альтернатива 30-31 годов оказалась не альтернативой, а необходимой линией движения психологического исследования. Не или-или, а обязательно и-и!» (Леонтьев А.Н., 1983а, С. 12).

Так, поздний Леонтьев приближался к позднему Выготскому, опять встав на сторону своего Учителя, старшего друга и, одновременно, что нередко в научной жизни – главного внутреннего оппонента.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-06-00590

Список используемой литературы:

1. Братусь Б.С. Психологические аспекты нравственного развития личности. – М. : Знание, 1977.
2. Брушлинский А.В. Деятельность и опосредствование // Психологический журнал. – 1998. – №6. – С. 118-126..
3. Леонтьев А.А. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология. – М. : Смысл, 1983.
4. Леонтьев А.А. Деятельностный ум. – М. : Смысл, 2001.
5. Леонтьев А.А. Алексей Николаевич Леонтьев рассказывает о себе // Вопросы психологии. – 2003. – №2. – С. 35-36.
6. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. – М. : Смысл, 2005.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Политиздат, 1977.
8. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. 1. – М. : Педагогика, 1983.
- 8а. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. 2. – М. : Педагогика, 1983.
9. Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия // под. ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М., 1994.
10. Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности ранние работы. – М. : Смысл, 2003.
11. Петренко В.Ф. Школа А.Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева. – М. : Смысл, 1999.
12. Пономаренко В.А. Психологическая нравственность ума и души А.Н. Леонтьева // Мир психологии. – 2003. – №2.
13. Тендряков В.Ф. Проселочные беседы // А.Н. Леонтьев и современная психология. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983.

References:

1. Bratus, B.S. (1977) Psihologicheskie aspekty npravstvennogo razvitija lichnosti [Psychological aspects of moral development]. Moscow, Znanie.
2. Brushlinskii, A.V. (1998) Activities and mediation [Dejatel'nost' i oposredstvovanie]. Psychological Journal [Psihologicheskij zhurnal]. 6, 118-126.
3. Leontiev, A. (1983) Tvorcheskij put' Alekseja Nikolaevicha Leontieva [Creative life of Alexei Leontyev]. A.N. Leontiev i sovremennaja psihologija [A.N. Leontiev and modern psychology]. Moscow, Smysl.
4. Leontiev, A. (2001) Dejatel'nostnyj um [Activity-mind]. Moscow, Smysl.
5. Leontiev, A. (2003) Aleksej Nikolaevich Leont'ev rasskazyvaet o sebe [Alexey Leontiev about himself]. Voprosy psihologii [Issues of Psychology]. 2, 35-36.
6. Leontiev, A.A., Leontiev, D.A., & Sokolova, E.E. (2005) Aleksej Nikolaevich Leont'ev. Dejatel'nost', soznanie, lichnost' [Alexey Nikolaevich Leontiev. Activity, consciousness, and personality]. Moscow, Smysl.
7. Leontiev, A.N. (1977) Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat.
8. Leontiev, A.N. (1983) Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya [Selected Psychological Works]. in 2 Vol., Vol. 1. Moscow, Pedagogika.
- 8а. Leontiev, A.N. (1983) Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya [Selected Psychological Works: in 2 Vol., Vol. 2]. Moscow, Pedagogika.
9. Leontiev, A.N. (1994) Filosofija psihologii. Iz nauchnogo nasledija [The philosophy of psychology. Scientific heritage]. . Ed. by A.A. Leontiev, D. A. Leontiev, Moscow
10. Leontiev, A.N. (2003) Stanovlenie psihologii dejatel'nosti : rannie raboty [Establishing psychology activities: early work]. Moscow, Smys